

Т.В. БУРАК,
КАНДИДАТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (МИНСК)

В ПОИСКАХ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ОБЗОР НОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ В СОЦИОЛОГИИ

Представлен обзор основных подходов к интерпретации и исследованию повседневности в современной социологии; рассматриваются различные аспекты изучения феноменов повседневной жизни: пространственно-временной, вещный, интеракционистский, герменевтический и социолингвистический.

The article presents a review of main approaches to the interpreting and learning everyday life in modern sociology; various aspects of learning everyday life phenomena such as time and space, estate, interactionist, hermeneutic and sociolinguistic ones are considered.

Мир повседневности как область с собственными правилами игры всегда вызывал особый интерес у социологов. Предметом исследования становятся интеракции *face-to-face*, ритуалы, конвенции и значения, фреймы, пространственно-временные ограничения и лингвистические формы, которые и делают повседневность повседневностью. Тема, начатая А. Шюцем, Г. Гарфинкелем, П. Бергером, Т. Лукманом и И. Гофманом, получила развитие в «новых» (в контексте термина Ф. Коркюффа «новые социологии») социологических поисках. В качестве активного элемента современных теорий повседневности (с конца 1980-х гг.) используются понятия и элементы концепций феноменологии, этнометодологии и фрейм-анализа. Хотя в ряде случаев допущения основателей социологии повседневности определяются как комплекс положений, которые необходимо преодолеть. В общем же для современного периода развития данного направления характерно сочетание микросоциологического подхода к исследованию повседневности, когнитивной лингвистики, теории коммуникации и социальной психологии. Цель данной статьи заключается не столько в рассмотрении актуального для социологии, и не только, понятия «повседневность», а скорее в обзоре основных современных подходов к интерпретации и исследованию феноменов повседневного мира.

Пространственно-временной анализ повседневности. Современные теории повседневного мира часто обращаются к анализу социально-пространственных и социально-временных сторон повседневности. Особого внимания заслуживает один из значимых исследователей в этой области **Эвиатар Зерубавель**. К актуальным задачам современной когнитивной социологии он относит прежде всего изучение социального времени, коллективной памяти и конвенций. В его теории центральное место отводится универсальному фактору общественного развития – времени. Общество конституирует объективные временные ограничения, в соответствии с которыми индивиды вырабатывают образцы действия. Зерубавель исследовал соотношения между маркерами, характеризующими социовременной порядок, и ситуативной логикой, организующей этот порядок на конкретном уровне.

На основе анализа феномена коллективной памяти он приходит к выводу о цикличности исторического времени и о влиянии структур коллективной памяти на смену циклических процессов в истории общества. Теория

когнитивного структурирования времени Зерубавеля строится на исследовании структур повседневной жизни крупной больницы, в которой зонирование (недельное, суточное, отдыха, работы) осуществляется в соответствии со строгим регламентированным распорядком. Как следует из проведенного им анализа, сложная структура времени в больнице с круглосуточным режимом работы объединяет все ее ресурсы в системе пространственно-временного распределения действий. Структурирование времени, включающее смену обычных и «маркированных» дней, показывает, каким образом естественные временные ритмы, дневные или недельные, организуют повседневный мир больницы¹.

Любопытно исследование повседневности города, обращенное к анализу «текста» города и представленное в работе **Мишеля Де Серто** «По городу пешком». Автор утверждает, что для построения теории повседневных практик необходим предварительный анализ неподконтрольного «общения с пространством», отличного от наблюдаемых признаков: «Повседневность, ускользя от визуального учета и контроля, в некотором смысле не обладает поверхностью; или ее поверхность – лишь верхний предел, выделяющийся на фоне видимого»².

Исследование повседневности города основывается на выделении в качестве единицы пространственного анализа «пешеходно-речевого акта», для которого характерны импровизированность, дискретность и фактичность. Показателен пример из работы Де Серто: «Пешеход способен блуждать, менять маршрут, импровизировать, благодаря чему одни точки в пространстве существуют всегда, а другие оказываются заброшенными. Взгляните на Чарли Чаплина, что только он не вытворяет со своей тросточкой, как он умножает ее возможности, постоянно выходя за рамки общепринятых способов обращаться с этим объектом. Так и пешеход преобразует любые пространственные означивающие. И хотя он реализует лишь ограниченное число возможностей, предлагаемых существующим порядком (идет сюда, а не туда), он постоянно увеличивает их число (идет наискосок или в обход)»³. Де Серто проводит некоторые параллели с лингвистическим анализом речи и рассматривает такие характеристики «пешеходной речи», как модальность (отношение речи с отрезками маршрута), стиль (образ действия и отклонения от коллективных норм, своего рода способ фрагментирования пространства), значения (история, легенда точек пространства). Исходный посыл пространственного анализа Де Серто: пешеходные повседневные практики конструируют пространство города.

Анализ мира вещей. Еще одна теория повседневности была предложена сторонником конструктивизма **Бруно Латуром**. Рассмотрение феноменов повседневной жизни в его концепции предполагает обоснование перспективы исследования мира вещей. Латур оперирует «обычным», как он сам выражается, определением: «...все вещи означают ансамбль судебной природы, который собран вокруг предмета обсуждения, порождающего как конфликт, так и согласие»⁴. Использование именно этого толкования в общественных науках, как полагает автор, позволит нам увидеть, что «границы между природой и обществом, необходимостью и свободой, между сферами естественных и общественных наук – весьма специфичная антропологическая и историческая деталь»⁵.

Пытаясь выйти из круга традиционного понимания общества, Латур доказывает ограниченность противоположных парадигм в исследовании социального мира и в результате переосмысливает центральное для социологии понятие «социальное». Будущее общественных наук, в том числе и социологии, Латур связывает с «исследованиями науки и технологии», которые открывают нам «социальное» с другой стороны: «...как много свойств бывшего общества (устойчивость, экспансия, масштаб, подвижность) существует на самом деле благодаря способности артефактов буквально, а не

образно, строить социальный порядок... Артефакты... в значительной мере представляют собой то самое вещество, из которого складывается «социальность»⁶. Характерную для социологии дихотомию «объективное – субъективное», «агент – структура» Латур предлагает преодолеть посредством возврата к исследованию вещей. Следуя обозначенной логике, он помещает в пространство анализа социального взаимодействия не только действующие субъекты, но и объекты, вещи.

В социальную интеракцию оказываются включенными: фрейм, который отгораживает интеракцию от внешних сил, и сеть отношений. Социальное взаимодействие Латур интерпретирует как фреймированное взаимодействие, в котором невозможно единство пространственно-временных характеристик всех элементов: «Одежда, которую мы носим, привезена из другого места и произведена довольно давно; произносимые нами слова не придуманы специально для этого случая, стены, в которых мы находимся, были спроектированы архитектором для клиента и сооружены рабочими – людьми, которые здесь сейчас отсутствуют, хотя их действия вполне ощутимы. ...Если вы попытаетесь нарисовать пространственно-временную карту всего, что присутствует во взаимодействии, и набросать список всех, кто так или иначе в нем участвует, вряд ли вы получите хорошо различимый фрейм; скорее – спиралевидную сеть с множеством самых различных дат, мест и людей»⁷. Вступающие в социальные отношения акторы оказываются рассеянными в пространстве и во времени, выходят за рамки фрейма интеракции.

Участники, включенные в коммуникацию и взаимообуславливающие действия друг друга, называются в теории Латура актантами, чем подчеркивается их главное качество «действовать – значит опосредовать действия другого»⁸. Как полагает Латур, разнообразные объекты (например, здания, предметы, одежда), как и субъекты, опосредуют действия друг друга и включены в повседневную интеракцию. Но вещи следует понимать не столько как посредников коммуникации, сколько как нечеловеческие актанты. Они могут выступать во взаимодействии в качестве инструментов с определенной функциональной нагрузкой, элементов материальной среды или проекционного экрана, указывающего на различия статусов участников⁹. Применение на практике вещного анализа повседневности представляется возможным для исследования «повседневности в кармане», тех предметов, которые привычно сопровождают нас везде. В дамской сумочке или в карманах, как само собой разумеющееся, находятся предметы повседневной жизни. Во взаимодействиях они несут определенную нагрузку, реализуя значение вещных посредников-актантов. Теория Латура, таким образом, уходит от традиционного понимания актора и вводит новое понятие «актант», охватывающее все разнообразие опосредующих друг друга участников социальной ситуации.

Герменевтическая социология знания. Отдельно хотелось бы остановиться на новых концепциях повседневности в Германии, среди которых значительное место занимают прежде всего социология знания и герменевтический подход, вышедшие из социологии языка.

Разработка основных положений герменевтической социологии знания связана с деятельностью президента Немецкого социологического общества (с 2007 г.) и профессора социологии **Ханса-Георга Зёфнера**. Концептуализация проблемы повседневности была осуществлена во многих его публикациях: «Интеракция и интерпретация» (1979), «Интерпретация повседневности – повседневность интерпретации» (1989), «Культура повседневности и повседневность культуры» (2004) и в некоторых других. Одна из самых главных работ Зёфнера «Интерпретация повседневности – повседневность интерпретации» оказала, несомненно, сильное влияние на интерпретативную теорию и исследования в немецкой социологии.

На раннем этапе социологического творчества Зёфнер отдавал предпочтение анализу текста. Изменение исследовательского интереса произошло в конце 1970-х гг. во многом благодаря знакомству и совместной работе с Т. Лукманом и А. Страусом. О значимости этих фигур в переходе к вопросам герменевтической социологии знания Зёфнер заявил: «В конце 70-х – начале 80-х для меня сильную роль начал играть Ансельм Страус. Так как он был тем, кто меня вытащил из анализа текста, и меня очаровали исследовательские практики. ...Он работал с очень различными данными: с интервью, текстами, газетными статьями и, конечно, с наблюдением. ...То, что делал Страус, было важным пунктом чего-то другого, что было анализом социального мира. ...Мы обдумали: Что есть необходимое дополнение и альтернатива анализу текста? Что пропало, когда мы интерпретировали только тексты?»¹⁰

Основателями герменевтической социологии знания, ставшей в 1980–1990-е гг. характерной прежде всего для немецкоязычных университетов, считают Зёфнера и Р. Хицлера. Данное направление в Германии получило развитие в дальнейших методологических разработках Н. Шрёэра, Д. Райхертца и Х. Кноблауха.

Герменевтическая социология знания представляется ее авторам как комплексная теоретическая, методологическая и методическая концепция, цель которой – реконструировать общественное значение всех форм и результатов интеракций¹¹.

Герменевтическую социологию знания Зёфнер определяет как специфический стиль познания, выходящий за пределы методологии и методов и расположенный где-то между эмпирией и теорией. Скорее всего, речь идет о стиле исследования, который «достигает теоретических высокосодержательных высказываний о релевантных феноменах современной культуры на основе интенсивного анализа данных и их интерпретации»¹².

В интервью своему коллеге Райхертцу Зёфнер сформулировал также основные задачи герменевтической социологии знания, постоянно подчеркивая, что это не метод в узком смысле слова. Обращаясь к вопросу о методе, сторонники герменевтической социологии знания полагают необходимым применение секвенционального или герменевтического исследования в анализе повседневной речи, содержащейся в ней системы правил собственного реконструирования, правил коммуникации, которые организуют поведение участников взаимодействия¹³.

В понимании Зёфнера герменевтическая социология знания применяет секвенциональный метод для исследования последовательности образов, действия, фото и тому подобного, а также для анализа потенциала отклонения от конституированных правил. Здесь его теория обнаруживает определенные параллели с концепцией повседневности Гофмана, признававшего, что нарушения правил повседневности следует изучать посредством анализа рутинизированных интеракций лицом к лицу, в которых индивиды всегда стремятся ответить на вопрос: «Что здесь собственно происходит?»¹⁴ В некоторых моментах соглашаясь с Гофманом, Зёфнер видит в качестве одной из задач социологии знания намерение исследовать значения рутины в поддержании ощущения безопасности.

Отталкиваясь от теорий А. Шюца и Лукмана, он развивает трехсферную модель символов, которые понимаются им как средства и ресурсы коммуникации («*Kommunikationsmaterialien*») для внеповседневности («*Außeralltägliches*»). Коллективные символы обладают специфической способностью создавать общность без коммуникации. Саму способность Зёфнер называет, явно ссылаясь на понятие Э. Гуссерля, аппрезентацией (*Appräsentation*), для которой характерно достижение соприсутствия и совосприятия посредством сопоставления отдельных проявлений «меня» и «другого» сознания. Согласно теории Зёфнера, аппрезентация образована из трехзначной связи

между аппрезентирующим, аппрезентируемым элементами и сознанием и обусловлена процессом овладения образцами толкования в трех сферах общественного действия и знания. Внутренняя сфера, называемая в концепции символов Зёфнера «отношение взаимного восприятия, управления и контроля», образует ядро, содержащее интернализированные значения рутин и способности толкования. В ней происходит интерпретация ситуации коммуникации, предметов, вербального и невербального языка. Средняя сфера охватывает институциональные согласованные действия и представляет собой «мир в потенциальной досягаемости». Далее располагается тщательно оберегаемая область, включающая согласованные посредством символов знания и действия. Эти три сферы, как полагает Зёфнер, и организуют социальный порядок: «...системы нами конституированных знаков, символов и ссылок репрезентируют структуры нашего смыслоориентирования. Их систематика – наш продукт»¹⁵.

Герменевтическая теория оказалась плодотворной в исследовательских поисках немецких социологов по довольно широкому спектру тем: социология языка, теория коммуникации, социология визуального знания и анализ визуальных документов, исследований власти и этнических отношений.

Теории повседневного действия и взаимодействия. Немецкий социолог **Хартмут Эссер** является автором интегративной версии социологии, получившим в 2000 г. за книгу «Социология – общие основания» премию Немецкого социологического общества.

Основу его теории составляет «модель социологического объяснения», которая предполагает последовательный переход от анализа социальной ситуации к набору коллективных объясняемых явлений (*Explanandum*): анализ логики ситуации – анализ логики выбора поведения актора – анализ логики агрегатов¹⁶. Как следует из данной модели, первый шаг требует реконструкции социальной ситуации, в которой акторы находятся посредством субъективного определения этой ситуации (что называется в теории Эссера фреймингом). Последующие шаги предполагают применение теории действия. И наконец, третий этап включает анализ влияния эффекта этого действия на релевантную структуру ситуации¹⁷. С помощью разработанной модели Эссер попытался систематизировать разнообразные концепции социологии и реализовать весьма амбициозное намерение – преодолеть мультипарадигмальность социологии.

Обоснование «модели социологического объяснения» сопряжено с определением тех понятий, которые являются для социологии основными. Так, Эссер выделяет в качестве ключевых концептов, которые связаны с вопросом о социальной компетентности субъектов повседневного действия, «повседневность», «повседневный опыт», «повседневные знания», «жизненный мир». Мир повседневного знания и действий характеризуется непосредственностью понимания обыденных фактов, ясностью, нормальностью и рутинностью¹⁸.

Особое преимущество своей концепции Эссер видит в том, что теория действия позволяет объяснять события, которые производят субъективные идентификации ситуации. В анализе логики отбора действия Эссер развивает тезис об обусловленности поведения акторов определением ситуации и разрабатывает теорию выбора рамки или рамок, в которой активно использует введенное Гофманом в социологию понятие «фрейм». Во многом это объясняется сходством их исходного допущения: установление ситуации посредством приложения некоторых моделей (или фреймов) к конкретным интеракциям всегда предшествует действиям акторов. Процедура выбора одной определенной субъективной дефиниции понимается в теории Эссера как внутреннее действие и обозначается понятием «фрейминг». Данный процесс предполагает отбор фрейма (устанавливающего функциональный, культурный и нормативный код), инструкции (устанавливающей

программу действия) и модуса выбора решения (*Modus der Entscheidungsfindung*)¹⁹.

В теории «логики отбора» Эссер различает два модуса: спонтанно-автоматической активации фрейма и рефлексивно-калькулирующий. Выбор между этими двумя модусами происходит автоматически, для обоснования данного тезиса Эссер использует понятие «нормальный случай повседневного действия» (*Normalfall des Alltagshandelns*), в котором, собственно, и отрабатывается автоматическая рутина²⁰.

Следует также в пространстве теорий повседневного взаимодействия рассмотреть некоторые значимые аспекты фигурационной социологии немецкого автора **Норберта Элиаса**. Если следовать логике его рассуждений, перспектива изучения системы отношений «индивид – общество» в социологии возникает только в случае анализа взаимозависимых индивидов.

В этой связи ключевое значение в самой известной работе Элиаса «О процессе цивилизации. Социогенетические и психологические исследования» обретает понятие «фигурация» (*figurations*), обозначающее создаваемые людьми «образы» (в интерпретации П. Штомпки), формы взаимозависимости (в интерпретации Ф. Коркюффа), связывающие индивидов конструкции социальной реальности, которые организуют «сети» отношений в диапазоне от солидарности до конфликта²¹. Общество предстает как пространство многообразных взаимозависимостей и взаимосвязей индивидов. Благодаря включенности в сеть взаимозависимостей каждый индивид осуществляет выбор в пределах некоторых обозначенных рамок.

С одной стороны, фигуры создают внутреннюю структуру личности (габитус) и реализуются в поведении людей, с другой – сети взаимозависимостей устанавливают набор правил социального порядка и детерминируют социальные изменения. Данное понятие Элиаса, как отмечает Штомпка, уходит от теорий взаимодействия и во многом объединяет модели макро- и микросоциологических объяснений, противопоставляющих понятия «структура» и «действие»²².

«Прагматическая социология» **Лорана Тевено и Люка Болтански** посвящена сопоставлению различных режимов действия и способов перехода от одного «режима вовлеченности» к другому. Авторы стремятся показать связь системы знаний, представлений и убеждений акторов с коллективными формами и практической деятельностью в ситуациях²³. «Теория прагматических режимов» Тевено сегодня стала предметом научных обсуждений в европейской социологии и определяется, с одной стороны, как новый взгляд на феномен социальной интеракции и, с другой – как перспективная социологическая парадигма.

Для «прагматической социологии» характерна установка, допускающая понимание человека как агента, деятельность которого направлена на интегрирование множественных эмпирических форм «вовлеченности в мир»²⁴. В теории «прагматических режимов вовлеченности» Тевено разрабатывает систему категорий, предназначенных для истолкования форм коллективного поведения и вовлеченности в практику. Отказываясь от понятий «действие» и «практика», Тевено использует понятие «вовлеченность» (*engagement*), которому, ссылаясь во многом на концепцию фреймов Гофмана, Тевено придает иное звучание. «Оно характеризует состояние людей и вещей, “вовлеченных” в прагматические испытания»²⁵. Речь идет о множественных способах «схватывания», оценивания окружающей социальной и предметной среды и творческого приспособления агента к ней. Тевено выделяет три прагматических режима вовлеченности (*régimes d'engagement*): 1) телеологического действия, 2) оправдания и 3) привычного. В сравнительном анализе всех трех способов Тевено рассматривает в качестве примеров соответственно теорию социального действия М. Вебера, концепцию социальных фактов Э. Дюркгейма и феноменологию. В режиме те-

леологического, осмысленного действия в качестве средств выбираются некоторые элементы среды, существенные с точки зрения актора. Режим оправдания организуется в отношениях между агентами с обращением к «публичному горизонту» или к значимым коллективным представлениям²⁶. Публичность связана прежде всего с давлением других участников и их требованиями по отношению к индивидам. Режимы оправдания, используемые в повседневной жизни, были рассмотрены в книге «Об оправдании», написанной Тевено совместно с Болтански, где авторов интересует вопрос о том, как порядки оправдания могут быть представлены одновременно в разных областях жизни общества и каково их значение для организации поведения акторов²⁷. В данной книге авторы в целом попытались посредством анализа повседневной жизни исследовать переход из одного прагматического режима в другой.

Вовлеченность в режиме привычного поведения предполагает постоянное обращение к локальным, а не предписываемым ориентирам, позволяющим управлять своей вовлеченностью в отношениях с близкими людьми. В то время как в отношении публичности личность вовлекается в качестве члена социальной общности, в повседневных действиях происходит вовлеченность в отношения с хорошо знакомыми людьми или вещами. И самое главное – связи, происходящие в режиме привычного, «неотделимы от личности, присвоившей их себе»²⁸. Основу «допубличных» способов вовлеченности в социальную среду составляют искренность, терпимость и подлинность, а также персонификация предметов и овеществление личности²⁹.

Несмотря на некоторую амбициозность, теория Тевено и Болтански представляется весьма увлекательным проектом. Взаимодействия между акторами и их отношения с предметной средой направлены на поиск «разнообразных благ и на испытание их реальностью в зависимости от множественных режимов действия». В связи с этим обстоятельством анализа системы фреймов (которая организует только уровень межличностных отношений) для объяснения многообразно организованных в различных режимах взаимодействий «актор – актор» и «актор – мир», по мнению Тевено, будет недостаточно. Попытка преобразовать категориальное пространство социологии, как полагает сам автор, «позволяет выявить сложную “архитектуру” социальной общности», включающую многообразие вовлеченности от «режимов привычного» до публичных режимов, что во многом открывает перспективу перехода от микросоциологических интерпретаций к анализу явлений макропорядка³⁰.

Особо любопытен опыт Тевено осуществить социолингвистический анализ режима близости и публичных порядков вовлеченности посредством исследования конвенций разговорного и литературного языка и переходов от одного языка к другому (в сравнении русского, французского и американского языков и на примере известных художественных произведений)³¹.

Исследуя формы повествования о вероятных характеристиках, Тевено и Болтански осуществили эксперимент, в ходе которого испытуемым предлагалось в игровой форме, рассмотрев некий портрет, идентифицировать социальную среду изображенного человека. В процессе оценивания акторы отбирают из среды подходящие «ориентиры» в связи с благом, на которое и направлено оценивание. Все описания исследователи разделили на две группы. Первую составили повествования, требующие активного поиска информации и содержащие косвенные сведения о повседневном образе жизни, о внешне наблюдаемых чертах человека. Ко второй были отнесены формальные описания, основанные на обнаружении строгих, коррелирующих друг с другом признаков. Оказалось, что люди в большей степени стремятся к поиску информации, а не к быстрому выявлению типичных характеристик³².

Несколько отдельно расположены теории практик, которые во многом обходят стороной вопрос о границах практических действий, не делая различий между действиями и их контекстом. Концептуализация повседневных практик характерна для одного из наиболее известных современных теоретиков **Энтони Гидденса**. Его теория структуриации, создаваемая с целью преодоления традиционной для социологии проблемы «структура – действие», рассматривает множество социальных агентов в их повседневном поведении как фактор производства и воспроизводства общества.

Поиск постоянно воспроизводимых когнитивных структур Гидденс осуществляет в концепции практического сознания. Практическое сознание, включающее знание о социальных условиях деятельности при отсутствии способности выразить его в дискурсивной форме, близко расположено по смыслу к понятию Гофмана «фрейм». Интерпретация мира повседневности, представленная в работах Гофмана, легла в основу теории структуриации и получила развитие в утверждении о создаваемом посредством рутин рекурсивном характере социальной жизни, в противопоставлении «дискурсивного» и «практического» сознания³³.

Социолингвистический анализ повседневности. Для раскрытия заявленного вопроса о современных направлениях социологии повседневности полезно было бы рассмотреть также перспективы междисциплинарного исследования, сочетающего социологические и лингвистические задачи. Один из характерных векторов развития социологии повседневности в 1960-е гг. – тенденция к социолингвистическому анализу повседневных феноменов. Так называемый лингвистический поворот обращает свое внимание на роль языка в социальных практиках.

Несмотря на различия методологических установок, представители современной социолингвистики в целом ориентированы на изучение характера взаимосвязей между языковыми и социальными структурами, социокультурной практики разговора, локальных языковых интеракций и феноменов текста как структурирующих явлений. Такая перспектива преодолевает одномерность описания одной науки и обращает внимание на вопрос рефлексивной реконструкции смысла социального поведения через понимающий анализ знаковой объективации.

В функциональной теории разговора М.А.К. Хэллидей подчеркивается значение семиотической структуры, которая определяет непрерывный обмен смыслами в социальном поведении. Семиотические компоненты структуры (поле, смысл, способ), из которых состоит реальность, предоставляют в различных социальных контекстах выборы значения. Компетентность участников интеракции связана с их знаниями о потенциальном и уместном значении ситуации с последующим выбором правильного речевого образца. В интерпретации Хэллидей социосемантическое исследование речи как социального поведения подразумевает анализ семантических возможностей выбора значения, которые происходят от социальной структуры. Социологический аспект данного подхода рассматривает границы понимания значений элементов поведения как осуществление прагматических и символических актов³⁴.

Как уже отмечалось, интерес к лингвистическому анализу был характерен также для раннего этапа развития немецкой герменевтической социологии знания, выросшей из области исследований текста.

Анализ языка повседневной коммуникации представлен в публикациях основателя герменевтической социологии знания Зёфнера. Социология, как подчеркивает еще один сторонник герменевтического подхода **Р. Хицлер**, это не наука о текстах в собственном смысле, а скорее о социальных практиках и артефактах коммуникативных практик. Однако он не исключает для социологии задачи понимания текста. Предметом современной методологической дискуссии с выходом на вопрос о научных методах, как полагает

Хицлер, может быть вопрос: «Как, каким способом смысл реконструируется?»³⁵

Еще один взгляд на перспективы социолингвистических исследований в социологии высказывает **Хуберт Кноблаух**, заявляя о «конце лингвистического поворота». Оценивая современное состояние социологии языка, Кноблаух отмечает, что особую популярность в Германии имела созданная Зёфнером и Лукманом в конце 1970-х гг. секция, развивающая практику качественного исследования в герменевтическом подходе, конверсационном анализе жанров, этнографии коммуникации и некоторых других. Эти направления рассматривают данные качественного исследования как результат языковой интеракции, акцентируя внимание на формах и процессах текста, внутренних структурах коммуникативного жанра, языковых и паралингвистических признаках, а также на визуальных аспектах действия. В этом направлении среди немецких социологов работали, например, Хицлер, Зёфнер, Райхертц³⁶.

Изучение структур повседневных практик оказалось востребовано конверсационным анализом, развиваемым в рамках этнометодологии. **Э. Щеглов и Х. Сакс** использовали некоторые идеи этнометодологии и концепции фреймов в качестве теоретической базы конверсационного анализа (*conversational analysis*), цель которого – выявление способов конструирования реальности и приемов поддержания социального порядка в структуре речевых интеракций. Их исследования объединяет стремление сочетать этнометодологический подход с лингвистическим анализом. Щеглов занялся изучением практик разговоров в транспорте и общественных местах, Сакс сосредоточил внимание на «паролях» «разговора во взаимодействии». Для него также представлял интерес вопрос повседневной категоризации. Повседневные практики разговора характеризуются: естественностью языка общения, т. е. «объективным производством и объективным выказыванием обыденного знания повседневных деятельности как поддающихся наблюдению и оглашению феноменов»; индексичностью высказываний; восприятием разговора самими участниками как «самопроясняющегося обсуждения», «ясного-проговаривания-того-что-мы-делаем» («формулирования разговора»)³⁷.

Формальные структуры повседневных практик описываются Гарфинкелем и Саксом как «повседневные деятельности, (а) которые проявляют при анализе свойства единообразия, воспроизводимости, повторяемости, стандартности, типичности и т. д.; (б) в которых эти свойства не зависят от когорт их производителей; (в) в которых эта независимость от конкретных когорт есть феномен, подлежащий признанию со стороны членов; и (г) в которых феномены (а), (б) и (в) являются для каждой конкретной когорты практическим, ситуационно размещенным свершением». Еще один важный момент: анализ повседневных практик сопряжен с определением «контекстных феноменов». Последние «(1) устанавливают, что член (владеющий естественным языком, практики которого неотделимы от членства в коллективе) делает, когда делает; (2) делаются с формулированием или без формулирования того, которые сейчас, где, с кем, с каких пор, как долго и т. п. имеются в виду; (3) составляют работу членов, для которой [практики объективного, ясного, логичного, связного – т. е. внятного языка] являются подбающей глоссой»³⁸.

Сильной стороной анализа речевого общения становится стремление дополнить лингвистическое исследование социологическим анализом, что позволяет выявить структуры участия в интеракции, вербальные и невербальные ссылки на коллективную установку идентификации, а также стратегии введения и развертывания темы в плоскости межличностных отношений и пониманий участников разговора. Речь идет о том, что участники взаимодействия не только о чем-либо говорят, но и создают отношения и идентичности.

Исследования в области повседневной жизни продолжают развиваться, так или иначе возвращая нас к анализу классических микросоциологических и этнометодологических концепций. «Новые социологии»³⁹ повседневности, предлагая иное понимание социальной реальности, открывают новые горизонты науки и, быть может, в чем убежден Штомпка, могут подвести нас, наконец, к раскрытию «извечных социологических загадок»⁴⁰. «Новые» концепции повседневности предлагают различные модели понимания социальной действительности с точки зрения действующего субъекта повседневных ситуаций, стремятся к обнаружению действительного смысла социальности, спрятанного в ее глубинных слоях. Для решения обозначенной задачи используются многообразные техники качественного исследования социальных феноменов повседневной жизни, что сопряжено с развитием возможностей социологических методов. И еще одной очень важной особенностью современной социологии повседневности является также намерение соединить макро- и микроинтерпретации в некоторой единой системе координат интегральной теории.

¹ См.: Веселкова Н. В. Существует ли социология времени? [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.chronos.msu.ru/

² Де Серто М. По городу пешком // Социол. обозрение. 2008. Т. 7. № 2. С. 25.

³ Там же. С. 29.

⁴ Латур Б. Когда вещи дают сдачи. Возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Вестн. МГУ. Сер. Философия. 2003. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.philos.msu.ru/vestnik/.../latur_veshi.htm

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Латур Б. Об интеробъективности // Социол. обозрение. 2007. Т. 6. № 2. С. 85.

⁸ Там же. С. 93.

⁹ Там же. С. 90.

¹⁰ Reichertz J. Das Handlungsrepertoire von Gesellschaften erweitern. Hans-Georg Soeffner im Gespräch mit Jo Reichertz // Sozialforschung. 2004. Vol. 5. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/561/1215>

¹¹ Там же.

¹² Hans-Georg Soeffner. Symboltheorie [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kowi.mykowi.net/index.php/Hans-Georg_Soeffner

¹³ См.: Reichertz J. Das Handlungsrepertoire von Gesellschaften erweitern. Hans-Georg Soeffner im Gespräch mit Jo Reichertz // Sozialforschung. 2004. Vol. 5. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/561/1215>

¹⁴ Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М., 2004.

¹⁵ Hans-Georg Soeffner. Symboltheorie [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kowi.mykowi.net/index.php/Hans-Georg_Soeffner

¹⁶ См.: Esser H. Soziologie. Allgemeine Grundlagen. Frankfurt am Main, 1993.

¹⁷ Там же. С. 97–98.

¹⁸ См.: Soziologische Grundbegriffe [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.uni-kassel.de/...Grundbegriffe_2004_1_Was_ist_Soziologie.pdf

¹⁹ См.: Greshoff R., Schimank U. Die integrative Sozialtheorie von Hartmut Esser [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.femunu-hagen.de/ESGW/SOZ/weiters/preprints/russ.pdf

²⁰ Там же.

²¹ См.: Коркюфф Ф. Новые социологии. СПб., 2002; Штомпка П. В фокусе внимания повседневной жизни. Новый поворот в социологии // Социол. исслед. 2009. № 8.

²² См.: Штомпка П. В фокусе внимания повседневной жизни. Новый поворот в социологии // Социол. исслед. 2009. № 8.

²³ См.: Тевено Л. Прагматика познания. Введение: исследование связи между познанием, коллективностью и практикой // Социол. журн. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.socjournal.ru/review/614>

²⁴ Тевено Л. Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.magazines.russ.ru/nlo/.../teve22.html

²⁵ Там же.

²⁶ См.: Тевено Л. Прагматика познания. Введение: исследование связи между познанием, коллективностью и практикой. Гл. 3. Познание на практике: прагматические режимы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.socjournal.ru/review/645>

²⁷ См.: Boltanski L., Thevenot L. Über die Rechtfertigung. Eine Soziologie der kritischen Urteilskraft / L. Boltanski. Hamburg, 2007.

²⁸ Тевено Л. Прагматика познания. Введение: исследование связи между познанием, коллективностью и практикой. Гл. 3. Познание на практике: прагматические режимы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.socjournal.ru/review/645>

²⁹ См.: Тевено Л. Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигуры социальной общности [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.magazines.russ.ru/nlo/.../teve22.html

³⁰ См.: Тевено Л. Прагматика познания. Введение: исследование связи между познанием, коллективностью и практикой. Гл. 3. Познание на практике: прагматические режимы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.socjournal.ru/review/645>

³¹ См.: Тевено Л. Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигуры социальной общности [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.magazines.russ.ru/nlo/.../teve22.html

³² См.: Тевено Л. Прагматика познания. Введение: исследование связи между познанием, коллективностью и практикой // Социол. журн. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.socjournal.ru/review/614>

³³ См.: Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М., 2003.

³⁴ См.: Конецкая В.П. Социология коммуникации. М., 1997.

³⁵ Hitzler R. Sinnrekonstruktion. Zum Stand der Diskussion (in) der deutschsprachigen interpretativen Soziologie // Sozialforschung. 2002. Vol. 3. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/561/1215>

³⁶ См.: Knoblauch H. Das Ende der linguistischen Wende Von der Sprachsoziologie zur empirischen Wissenssoziologie. Sektion Wissenssoziologie. Oktober 2003 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wp1026128.wp045.webpack.hosteurope.de/blog/wp-content/uploads/txt-knoblauch-ende-der-linguistischen-wende.pdf>

³⁷ Гарфинкель Г., Сакс Х. О формальных структурах практических действий [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.socio.msu.ru>

³⁸ Там же.

³⁹ См.: Коркюфф Ф. Новые социологии. СПб., 2002.

⁴⁰ Штомпка П. В фокусе внимания повседневной жизни. Новый поворот в социологии // Социол. исслед. 2009. № 8.

Поступила в редакцию 19.04.10.